

Чарльз Диккенс

Рождественская елка

Перевод с английского
Надежды Вольпин

ФТМ

Чарльз Диккенс
Рождественская ёлка

«ФТМ»

1850

Диккенс Ч.

Рождественская ёлка / Ч. Диккенс — «ФТМ», 1850

«Сегодня вечером я наблюдал за веселой гурьбою детей, собравшихся вокруг рождественской елки – милая немецкая затея! Елка была установлена посередине большого круглого стола и поднималась высоко над их головами. Она ярко светилась множеством маленьких свечек и вся кругом искрилась и сверкала блестящими вещицами. Тут были розовощекие куклы, притаившиеся в зеленой чаше; было много настоящих часиков (во всяком случае – с подвижными стрелками, их можно было без конца заводить!), качавшихся на бесчисленных ветках...»

© Диккенс Ч., 1850

© ФТМ, 1850

Чарльз Диккенс

Рождественская елка

Сегодня вечером я наблюдал за веселой гурьбой детей, собравшихся вокруг рождественской елки – милая немецкая затея! Елка была установлена посередине большого круглого стола и поднималась высоко над их головами. Она ярко светилась множеством маленьких свечек и вся кругом искрилась и сверкала блестящими вещичками. Тут были розовощекие куклы, притаившиеся в зеленой чаще; было много настоящих часиков (во всяком случае – с подвижными стрелками, их можно было без конца заводить!), качавшихся на бесчисленных ветках; были полированные стулья, столы и кровати, гардеробы и куранты и всякие другие предметы обихода (на диво сработанные из жести в городе Уолвергемптоне), насаженные на сучья, точно обстановка сказочного домика; были здесь и хорошенькие круглолицые человечки, куда приятнее с виду, чем иные люди, – и не удивительно: ведь голова у них отвинчивалась, и они оказывались начинены леденцами; были скрипки и барабаны, были бубны, книжки, рабочие ларчики и ларчики с красками, ларчики с конфетами, ларчики с секретами, всякого рода ларчики; были побрякушки для девочек постарше, сверкающие куда ярче, чем золото и бриллианты взрослых; были самого забавного вида корзиночки и подушечки для булавок; были ружья, сабли и знамена; были волшебницы, стоящие в заколдованном кругу из картона и предсказывающие судьбу; были волчки, кубари, игольницы, флакончики для нюхательных солей, «вопросы-ответы», бутоньерки; настоящие фрукты, оклеенные фольгой; искусственные яблоки, груши, грецкие орехи с сюрпризом внутри; словом, как шепнула в восхищении своей подружке одна стоявшая передо мной хорошенькая девочка, было там «все на свете и даже больше того». Этот пестрый набор предметов, висевших на дереве, как волшебные плоды, и отражавших яркий блеск взоров, направленных на них со всех сторон, – причем иные из алмазных глаз, любовавшихся ими, приходились еле-еле на уровне стола, а некоторые светились испуганным восторгом у груди миловидной матери, тетки или няньки, – являл собой живое воплощение детской фантазии; и мне подумалось, что все – и деревья, какие растут, и вещи, какие создаются на земле, – в наши детские годы расцветает буйной красотой.

И вот, когда я вернулся к себе, одинокий, и один во всем доме не сплю, мои мысли, послушные очарованию, которому я не хочу противиться, потянулись к моему далекому детству. Я пробую сообразить, что каждому из нас ярче всего запомнилось на ветках рождественской елки наших юных дней, – на ветках, по которым мы карабкались к действительной жизни.

Прямо среди комнаты, не стесняемое в росте ни близко подступившими стенами, ни быстро достижимым потолком, высится дерево-призрак. И когда я гляжу снизу вверх в мглистый блеск его вершины – ибо я примечаю за этим деревом странное свойство, что растет оно как бы сверху вниз, к земле, – я заглядываю в мои первые рождественские воспоминания!

Сперва я вижу все только игрушки. Там наверху, среди зеленого остролиста и красных ягод, ухмыляется, засунув руки в карманы, Акробат, который нипочем не хочет лежать смирно – кладу его на пол, а он, толстопузый, упрямо перекатывается с боку на бок, покуда не умается, и пялит на меня свои рачьи глаза – и тогда я для виду хохочу вовсю, а сам в глубине души боюсь его до крайности. Рядом с ним – эта адская табакерка, из которой выскакивает проклятый Советник в черной мантии, в отвратительном косматом парике и с разинутым ртом из красного сукна: он совершенно несносен, но от него никак не отделаешься, потому что у него есть обыкновение даже во сне, когда его меньше всего ожидаешь, величественно вылетать из гигантской табакерки. Как и та хвостатая лягушка, там поодаль: никогда не знаешь, не вскочит ли она ни с того ни с сего, и когда она, пролетев над свечкой, сядет вдруг тебе на ладонь, показывая свою пятнистую спину – зеленую в красных крапинках, – она просто омерзительна. Картонная леди в юбках голубого шелка, прислоненная к подсвечнику и готовая затанцевать, –

она добрей, и она красивая; но я не сказал бы того же о картонном человечке, побольше ее, которого вешают на стену и дергают за веревку: нос у него какой-то зловещий; а когда он закидывает ноги самому себе за шею (что он проделывает очень часто), он просто ужасен, с ним жутко оставаться с глазу на глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.